

«Поэт всегда немного “с краю” жизни»

Основатели «Ташкентской поэтической школы» Санджар ЯНЫШЕВ, Вадим МУРАТХАНОВ и Евгений АБДУЛЛАЕВ отвечают на вопросы новосибирского литератора и журналиста Юрия ТАТАРЕНКО

Собеседники Юрия Татаренко — практически ровесники, выпускники Ташкентского госуниверситета. Санджар Янышев (1972 г.р.) окончил филфак, Евгений Абдуллаев (1971 г.р.) — философский факультет, а Вадим Муратханов (1974 г.р.) — факультет зарубежной филологии. Все трое пишут поэзию и прозу, отмечены премиями. А вот местожительство у всех разное: Евгений остался в Ташкенте, Санджар переехал в Москву, Вадим — в Подмосковье. Дружат по-прежнему крепко. Индивидуальности при этом не теряют. Беседуют в таком составе не впервые, но время подкидывает новые темы для обсуждения — интересно узнать их мнение о событиях в мире и в литературе, проследить, в чем продолжает совпадать их мироощущение, а где и почему их точки зрения разнятся.

— Ощущаете ли такую субстанцию, как «предстихи»? Из чего она состоит?

Евгений Абдуллаев: Из приступа немоты и косноязычия.

Санджар Янышев: Если это энергия, накопленная временем и языком, то — да, ощущаю.

Вадим Муратханов: То, что происходит с человеком в обыденной жизни, как правило, может быть нарисовано с помощью стандартного, «ученического» набора красок. Когда я попадаю в пространство, где этих красок очевидно недостаточно для отображения того, что происходит со мной, краски приходится смешивать — путем сочетания не связанных шаблонами слов. Палитра, где смешиваются эти краски, наверное, и может быть названа «предстихами».

— Что помогает вам «домолчаться до стихов»?

В.М.: Само молчание помогает. Никогда не пишу, если не ощущаю потребности в этом. Желательно еще и чужими стихами себя в паузах не перекармливать. Так бывает у повара, который надышится на кухне ароматами еды — и аппетит потеряет, как будто уже наелся.

Е.А.: Ничего. Проза — пишется, стихи — случаются.

С.Я.: У меня нет единой кнопки, включающей вдохновение, но есть музыка и природа.

Татаренко Юрий Анатольевич — поэт, прозаик, драматург, журналист. Родился в 1973 году в Новосибирске. Закончил Новосибирское театральное училище. Автор девяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Литературная учеба», «Нева», «Новая юность», «Плавучий мост», «Сибирские огни» и др. Лауреат всероссийских премий. Живет в Новосибирске.

— **Когда стихи написаны, что происходит сразу после этого?**

В.М.: Сразу по написании — облегчение и чувство исполненного долга. Вскоре после этого, как правило, возвращается неудовлетворенность и продолжается работа над написанным, которая иногда растягивается на годы.

С.Я.: Знакомство с ними (смеется). На самом деле — как с любым текстом: шлифовка, настаивание в кармашке времени.

Е.А.: «Займемся обедом, займемся нарядами...»

— **С чем связано отсутствие новых архетипов в поэзии со времен Дяди Стёпы?**

В.М.: С тем, что человек в глубине своей не сильно изменился со времен Гомера.

Е.А.: Не знаю. Архетипы и дяди стёпы возникают в поле массовой поэзии. А я живу в другом.

С.Я.: Ну, подобных Дяде Стёпе «архетипов» я могу назвать много. Например, Кукутис (персонаж Мартинайтиса). Или — в русской поэзии — Гражданин Поэт (кажется, Быков его родитель?).

— **Что относите к системе табу в литературе и искусстве в целом?**

В.М.: Понятие табу относится не к искусству, а к обществу, в котором оно существует. Творить и табуировать одновременно невозможно, так что пусть каждый занимается своим делом.

Е.А.: В литературе есть только одно, универсальное, табу — на бездарность. Остальные — у каждого свои.

С.Я.: Нет никаких табу. Есть вкусовая осечка; что-то несвоевременное и несвоеместное (мне нравится определение грязи: нечто, лежащее не на своем месте).

— **Давно ли ваш читательский интерес переходил в читательский восторг?**

В.М.: В последний раз — когда перечитывал стихи Рильке в переводах Пастернака.

С.Я.: Недавно, когда переводил Фроста (жизнь в деревне очень к этому располагает). В очередной раз убедился, что лучший способ понять стихи другого — это перевести их на свой язык.

— **Что в приоритете: проза или поэзия, книги или журналы, бумага или «цифра»?**

В.М.: Все перечисленное — только форма бытования текста. Первично слово, а одежда для него — вопрос техники.

Е.А.: Поэзия. Проза способна удивлять — мастерством, точностью; вызывать восторг — только стихи. А бумага, «цифра», где, как — уже вторично. Хоть карандашом для бровей на туалетной бумаге.

С.Я.: В приоритете — кинематограф. И люди, которых читать куда интересней, нежели буквы.

— **Было такое: познакомились с автором и захотелось прочесть все его тексты?**

С.Я.: Наверняка.

В.М.: Такое бывало, но почти все прочитанные полные собрания сочинений оставляли в той или иной мере осадок разочарования. Человеку, даже великому, свойственно ошибаться и порой говорить лишнее.

Е.А.: Скорее, наоборот... Но, в целом, это бывает очень разное: человек и его тексты.

— **Недавно прочел у молодого сибирского поэта новое стихотворение, завершающееся знаменитой ахматовской рифмой «умру — на ветру». Когда я обратил его внимание на это, он ответил: «Ничего страшного!» А вы как считаете?**

С.Я.: Ничего страшного.

В.М.: Я, скорее, соглашусь с молодым сибирским поэтом. В стихах чаще всего дело не в рифме, если только это не рифма типа «ботинок-полуботинок». Да и рифмы, на мой взгляд, в отличие от стихов, знаменитыми не бывают. Они бывают банальными, затертыми — или пригодными к употреблению. Заболоцкий, например, предостерегал от выпрєнных, изысканных рифм, тянущих одеяло на себя.

Е.А.: По одной рифме судить сложно... Даже по «розам» и «морозам». Главное, как это работает в стихотворении. А так — почти все рифмы уже кем-то потисканы и исцелованы.

— Необходимые «составляющие» поэта — любовь к языку, чувство прекрасного, наблюдательность, отзывчивость. А что еще?

С.Я.: Чувство юмора, самоирония.

В.М.: Мне безразлично, из чего состоит поэт. Значение имеет только то, что он пишет. А уж из чего это выросло — не мое дело.

Е.А.: Не знаю. Не уверен даже, что они есть, эти «необходимые составляющие». Кроме сильного и властного таланта, разумеется.

— Как пережили самоизоляцию?

В.М.: Самоизоляцию пережил неплохо — во многом потому, что весь последний год и так работал дистанционно, редко покидая город, где живу.

Е.А.: Пока еще не пережил — в Ташкенте новый виток карантина... Ощущение жалости к людям. Больным, здоровым. Которые по роду работы не могут «на удаленке», которые доедают и допивают остатки.

С.Я.: Прекрасно: деревня, лес, любимые люди. Не самоизоляция, а самопогружение.

...Но мне повезло.

— В людях поселился страх заболеть коронавирусом. А какая зараза страшнее — вирусы наживы, равнодушия, бездарности?

С.Я.: Выученная беспомощность.

Е.А.: Бездарность, к счастью, не заразна и не смертельна. Это даже нормальное состояние нормального человека. Скорее, талант, его проявление — результат каких-то чрезвычайных обстоятельств, мобилизации, внутренней или внешней.

— Верите ли, что в Москве появится станция метро «Аннинская» — в память о великопепном критике?

Е.А.: Если так будет переименована станция, названная в честь великопепного садиcта Войкова, то было бы неплохо.

— Идеальное стихохранилище — Интернет или библиотека?

Е.А.: Память.

С.Я.: Стихи должны быть в обороте — как деньги. И время от времени переживать деноминацию.

В.М.: Идеального стихохранилища не бывает, к сожалению или к счастью. Когда мы с женой пятнадцать лет назад въехали в новую квартиру, то обнаружили много книг полувековой давности, оставшихся от прежних хозяев. Чтобы освободить место для нашей библиотеки, я повез эти книги в библиотеку городскую. Там приняли процентов десять из привезенного — исключительно классику. А интернет-сайты тоже умирают, если их не поддерживать. Вот вам и естественный отбор, который берет на себя само время. Вполне ли он справедлив, судить не берусь. Да и не может их быть, идеальных критериев отбора, если мы сами не идеальны. И если «Бог сохраняет всё», то нам вообще не о чем волноваться.

— **Где проще выживать поэту — в мегаполисе или келье?**

В.М.: Человеку — в мегаполисе, поэту — в келье. Тут важна правильная пропорция, которая в каждом случае индивидуальна.

Е.А.: Материально — в мегаполисе, идеально — в келье.

С.Я.: У каждого поэта — своя клета.

— **Что можете простить талантливым коллегам: пьянство, лень, невежество, эгоизм?**

В.М.: Всё могу простить, тем более что и сам небезгрешен.

Е.А.: Всё. Да, тяжело, но стараюсь.

С.Я.: Даже, как выяснилось, глупость. И вообще — я не бог, чтоб не прощать.

— **Насколько сильно ваше чувство азарта?**

Е.А.: Смотря какого. Творческого... Наверное. Исследовательского... И любовного, который, и лежит в основе этих двух (а в чистом виде не слишком интересен).

С.Я.: Фиг знает. Не измерял.

В.М.: Считаю себя человеком азартным. Поэтому стараюсь обходить стороной казино и тотализаторы. Поэтому же люблю спорт — с удовольствием играю в футбол и настольный теннис. Вообще, азарт — это одно из проявлений целеустремленности. Иногда без него трудно довести что-либо до конца.

— **Приведите пример своего спонтанного поступка.**

Е.А.: Приход в литературу.

В.М.: Когда мне было пять, я на трехколесном велосипеде подъехал к дворовому псу Тузику и неожиданно для себя и к ужасу взрослых поцеловал его в мохнатую щеку. Тузик отличался суровым нравом, и обычно я побаивался его, но тогда все обошлось. Зато когда я в другой раз прицелился в него из игрушечного автомата, Тузик укусил меня за руку. То есть он в обоих случаях все правильно понял.

С.Я.: Ну, получил как-то аванс, рванул в Одессу... Хотел выпить вина, выпил водки. Увидел сон — написал рассказ. Вру, всё еще пишу.

— **Лауреаты первой премии «Лицей» получили по 1,2 млн. руб. Не многовато ли для делающих первые шаги в литературе?**

Е.А.: Многовато не в смысле «первых шагов» (это как раз на здоровье), а в отношении к той полунищете, на которую они будут как литераторы обречены в дальнейшем. Микроскопические гонорары (если вообще выплачиваются), мизерные роялти...

— **Почему писателям-профессионалам не платят стипендию 30 000 в месяц?**

В.М.: Видимо, потому, что профессионал сам должен зарабатывать себе на хлеб. Почему писательская профессия плохо кормит — другой вопрос. Но если писатель ничего не должен государству, то и оно ему ничем не обязано.

Е.А.: О том, что вместо жирных премий лучше платить стипендии, я писал еще лет восемь назад в «Знамени»...

— **Совсем недавно Госпремия вручена критику Валентину Курбатову. Как думаете, всколыхнет ли эта награда интерес к его творчеству?**

Е.А.: Премия, даже «гос» — вещь с коротким пробегом; чтобы всколыхнулся интерес — этого недостаточно.

— **Как мне кажется, поэт всегда перфекционист. Это изнуряет?**

В.М.: Да, изнуряет. Но и вознаграждает в некоторых случаях.

Е.А.: Гораздо больше изнуряет глядеть потом на свои ляпы...

С.Я.: Не вижу прямой корреляции: перфекционистом может быть и врач-инфекционист.

— На театре говорят: на актера нельзя научить — можно научиться! А на писателя научить можно? Мастер-классов и семинаров для этого достаточно?

В.М.: Обучение — всегда процесс обоюдный. Один учит — другой учится. Но учиться чему-то, не имея к тому таланта, — все равно что выкидывать время на ветер. Жизнь и без того коротка.

Е.А.: Писатель, в принципе, учится сам. Но мастер-классы и курсы — вещь не лишняя. Кашу маслом...

— Прилепин считает, что Водолазкин достоин Нобеля. А вы так о ком сказали бы?

Е.А.: Я не знаю, кто и какой премии достоин... Когда коллеги получали какие-то премии — радовался и поздравлял. Но чтобы в голове была какая-то премиальная «табель о рангах»...

— Какого памятника не хватает Москве?

С.Я.: — Альфреду Шнитке. Ролану Быкову (в роли Бармаля или Кота Базилио).

Е.А.: Не люблю памятники. Не в том смысле, что хотелось бы их снести, как этим... Пусть стоят. Но памятники — не моя песня.

— Поэтов крайне мало в телевизоре. Если бы вы могли выбирать, кому бы дали интервью из этой троицы — Дудь, Собчак, Познер? Почему?

Е.А.: Разницы особой нет, если заинтересуются. Правда, кто такой Дудь — не знаю, сейчас загуглю...

В.М.: Интерес к современной поэзии, требующей от читателя ответных усилий и некоторой доли сотворчества, столь низок сейчас, что я дал бы интервью любому из трех ведущих. Тем более что вопросы у них наверняка были бы разные.

С.Я.: Поэта должен интервьюировать другой поэт. Это в идеале. Ну, или Татьяна Толстая.

— В этом году юбилей Бродского. Как ощущается воздействие его поэтики?

В.М.: Поэтика Бродского, как сильная инъекция, вошла в кровь русской поэзии и растворилась в ней. Не пропала, а именно растворилась.

С.Я.: Судя по недавнему обострению, когда из каждого утюга звучало «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...» (в связи с т.н. «самоизоляцией»), Бродский уже вошел в обиход, как спички или холодильник.

Е.А.: Воздух, которым больше нельзя дышать.

— Графоман — кто говорит: «Пишу не хуже других!» А для вас это кто? Чем опасно сообщество графоманов?

Е.А.: Оно опасно только для самих графоманов: духом неверной самооценки, ложной значимости, порождаемой обоюдонахваливанием.

В.М.: Для меня графоман — тот, кто лепит скульптуры из сырого теста. Это род помешательства, и графоман, в конечном счете, вредит в основном самому себе и своим близким: он тратит драгоценное время на фикцию. Настоящему писателю графоман не опасен — они существуют в разных измерениях, несмотря на внешнее сходство занятий.

С.Я.: Тот, кто «чем случайней, тем вернее». Ничем не опасно, даже полезно. «Наивная» оптика иногда обнажает в языке скрытые пласты. Чего не расслышал прекрасный и остроумный Ходасевич, автор статьи «Ниже нуля».

— Почему поэты, пишущие бездонные стихи, сами нередко если не на дне жизни, то на ее обочине?

В.М.: Наверное, потому, что на дне и на обочине трафик меньше. Сподручней писать, если никто под руку не толкает, локтями не работает. Вообще, это всегда вопрос выбора, вполне или не вполне осознанного. Помочь такому поэту можно, а вот жалеть или осуждать его точно не стоит.

Е.А.: Поэт всегда немного «с краю» жизни. Жизнь внутри него всегда в некотором разладе с той, которая вне.

— В известной строчке Заболоцкого «**Душа обязана трудиться**» на какое слово ставите ударение?

В.М.: На все три слова, как это часто бывает в поэзии.

С.Я.: На «ша»! Сколько можно мучить проходной для гениального автора стишок?

Е.А.: Я не любитель дидактизма в стихах, особенно в его советско-лирическом изводе, даже у лучших поэтов. «Не спи, не спи, художник...» «Душа обязана трудиться...» Отстаньте, товарищи.

— Умение грамотно излагать свои мысли необходимо только для высокой культуры спора — согласны?

Е.А.: Да, наверное, если бы я действительно умел грамотно излагать свои мысли — я бы не стал писать стихи.

— Русский язык стремительно меняется — в него активно приходят заимствования, смайлики, новые грамматические конструкции. К чему это может привести?

В.М.: К стиранию его границ с другими языками. В конечном счете, это отражение глобализации, которая происходит и в других сферах. Этот процесс вряд ли можно существенно замедлить или ускорить.

С.Я.: К тому же, к чему обычно приводит нормальное развитие литературы: к удовольствию одних и неудовольствию других.

Е.А.: Язык живет, дышит, меняется. Главное, чтобы изменения «снизу» (бытовизмы, соцсетизмы...) были уравновешены изменениями «сверху» — обновлением языка в литературе, философии, науке.

— Писатели идут в политику — скажет ли им спасибо русская литература?

Е.А.: Да, конечно. Главное, чтобы обратно оттуда не возвращались.

В.М.: Не вижу, признаться, массового исхода писателей в политику. Но даже если идут, то не затем, чтобы поднять литературу. Так что особых причин для благодарности вроде как нет.

— Вопрос о неоднородности культурного зрительского сообщества. В театрах и филармониях аншлаги — в отличие от выставочных залов и мест, где проводятся литвечера. Как приобщить к поэзии театралов?

В.М.: Поэзия живет прежде всего в тексте, а не на сцене, так что в глазах театрала она будет неизбежно проигрывать действу, в какую бы театрализованную форму мы ни облекли поэтическое чтение. И по-настоящему «услышать» стихотворение можно только в тексте. Поэзия требует читателя, а не зрителя, и этот читатель может вырасти не только из театрала.

Е.А.: Я не уверен, что их надо как-то приобщать. Ну есть же люди, у которых никогда не было настоящей любви. Секс был, увлечения какие-то... а любви не было. И как их «приобщать» к ней? То же — и с поэзией.

С.Я.: Ну, наверно, предельно театрализовать поэтические тексты. Хотя удачных примеров очень мало. Поскольку актеры — последние люди, которые слышат и понимают стихи.

— **Приведите пример удачной экранизации. Я бы прежде всего назвал военные истории: «Звезда», «В августе 44-го». А вы?**

В.М.: Если вспоминать военные сюжеты — «Судьба человека».

С.Я.: «Анна Каренина» (2012, реж. Джо Райт). «Хождение по мукам» (1977, реж. Василий Ордынский). «Жестокий романс» (1984, реж. Эльдар Рязанов. Тут яркий, на мой вкус, пример сценарного мастерства: вся первая серия картины выросла из небольшого разговора Кнурова с Вожеватовым). «Несколько дней из жизни И.И.Обломова» (1979, реж. Никита Михалков). «Золотой телёнок» (1968, реж. Михаил Швейцер). «Открытая книга» (1977, реж. Виктор Титов). «Жизнь Клима Самгина» (1988, реж. Виктор Титов). «Мой друг Иван Лапшин» (1984, реж. Алексей Герман. Беспрецедентный случай, когда фильм как произведение искусства получился выше, значительней первоисточника). «Приключения Буратино» (1975, реж. Леонид Нечаев). В общем, много.

Е.А.: Мне кажется, чем экранизация удачнее — как самостоятельное художественное целое, тем она дальше от своего первоисточника. Удачные ли экранизации «Солярис» или «Сталкер»? «Кровавый трон» Куросавы?

— **Как живется, когда не пишется?**

В.М.: Хорошо живется, не жалею. Читаю книги, слушаю музыку, гуляю по городу. Возможно, потому, что веду жизнь, скорее, профессионального редактора, чем профессионального писателя. Мне есть чем заняться, и я никогда не пишу, если не ощущаю острую потребность в этом.

С.Я.: Нервно.

Е.А.: Существует.

— **Современный человек станет абсолютно беспомощен в быту, как только отключат электричество. Вам не страшно думать о такой перспективе?**

В.М.: Нет, не страшно. Если отключают свет, я гуляю, читаю, иногда пишу, а потом пораньше ложусь спать. И, как правило, высыпаюсь, без телевизора и компьютера.

Е.А.: Страшновато думать только о перспективе одной беспомощности — старческой...

С.Я.: Не страшно. Все мои мультики — со мной.

— **Представьте: летят в самолете прозаик, поэт, драматург, переводчик, критик. А на всех только два парашюта. Кому бы их выдали?**

В.М.: Тому из них, кто летать не умеет.

С.Я.: Старику Якову Кипершмату (персонаж из «Новой книги обращений» С.Янышева. — Ю.Т.).

Е.А.: Два — даже много. Потому что в современной литературе, как правило, прозаик, критик и т.д. — один и тот же человек.

— **Какие события рифмуются в вашей жизни?**

В.М.: Все события рифмуются так или иначе. Считаю все происходящее в моей жизни закономерным, взаимосвязанным и неслучайным. Просто рифмы в ней бывают точные и неточные.

Е.А.: Наверное, все. Только рифмы всё какие-то диссонансные...

С.Я.: Моя жизнь — сплошной верлибр. Ничто ни с чем не рифмуется, всё всегда происходит впервые.

— **Если бы встретили сейчас себя молодого, что сказали бы, от чего отговорили бы?**

В.М.: Когда мне было шестнадцать, я несколько раз играл в лотерею «Спортпрогноз», советский аналог тотализатора. Однажды я угадал 10 из 13 результатов спортивных матчей. Вот и подсказал бы сейчас себе, шестнадцатилетнему, куда крестики ставить, чтоб «Волгу» выиграть. Во время перестройки машина в семье была бы не лишней. Мне в тот раз внутренний голос правильные ходы подсказывал, но я в конце недослышал.

Е.А.: Не знаю. Наверное, посоветовал бы раньше прийти в церковь.

С.Я.: Сказал бы: «Не бери Вовкину цацку из его шкафчика, тебе уже завтра станет стыдно — и перед ним, и перед мамой».

— **Как бы вы охарактеризовали особенности феномена ТПШ?**

В.М.: Если можно говорить о феномене «Ташкентской школы», то он состоял в том, что учителя в ней одновременно были и учениками, в зависимости от момента и необходимости. Мне кажется, мы многое дали друг другу. И вместе с тем помогли быть услышанными другим русскоязычным поэтам Узбекистана, которым на рубеже 90-х и нулевых, в доинтернетную эпоху, негде было толком о себе заявить.

Е.А.: Чем больше думал и писал о нем, тем меньше что-то понимал. Мне кажется, мы его уже все трое переросли, но он еще долго будет брнчать за нами — как «ахматовские сироты» за Найманом, Рейном и Бобышевым, «московское время» за Гандлевским, Кенжеевым и Цветковым.

С.Я.: Да какой феномен? Три друга решили придумать литературную группу, манифест и всё, что следует. Вначале было интересно. Но дружим до сих пор, на том спасибо.

— **Какую роль сыграла «Школа» в становлении вас как автора и узбекской современной литературы?**

С.Я.: «Школа» — никакой. Поскольку своим манифестом мы встраивали себя именно в русскую (и мировую) литературу. А «узбеками» мы были всегда. Точнее — полукровками, что куда интересней. Литературными метисами (или мулатами — кому как нравится). «В сем христианнейшем из миров поэт — тайный узбек».

В.М.: Автору — особенно начинающему, еще не взрастившему в себе внутреннего редактора — необходим вдумчивый и честный читатель в качестве зеркала. Мы, участники объединения, были друг для друга такими зеркалами. И если стали кем-то в литературе, то близость друзей и единомышленников сыграла в этом свою роль. Говорить о влиянии школы на узбекскую современную литературу едва ли есть смысл: мы в те годы мало пересекались с узбекскоязычными прозаиками и поэтами, это была некая параллельная нам реальность. Более тесные контакты с ними и взаимные переводы появились уже позднее.

Е.А.: Мы как-то заново, все трое, открыли для себя Ташкент. Место жизни стало литературным материалом. И произошло это, когда для двоих, вначале Санджара, потом Вадима, Ташкент перестал быть местом жизни, проживания. Сегодня, как мне кажется, я уже где-то «переболел» ташкентской темой, она для меня отодвинулась... Хотя, конечно, не исчезла.

— **В чем особенности бытования русской литературы за пределами России?**

С.Я.: В обособленности и консервации. Несмотря на интернет. Это я про Узбекистан говорю. В Казахстане, например, всё иначе.

В.М.: Особенность в том, что она, несмотря на всепроникающий интернет, во многом изолирована и от влияния российской литературы, и от литературы «титальных» народов своих стран. Она опирается преимущественно на русскую классику и советскую традицию, игнорируя современный литпроцесс, равно как и существующую

бок о бок с ней иноязычную культуру. Отдельным авторам, впрочем, удается переступить через обе эти границы — и благодаря этому создавать тексты, значимые для русской литературы в целом.

Е.А.: Ну, этих «запределов» очень много, они разные. Постсоветские страны — одно, Европа и США — другое. Общее то, что она будет съезживаться, уменьшаться. Сейчас она держится на представителях последнего позднесоветского поколения. Но они постепенно стареют и уходят.

— **Сохранился ли институт перевода узбекской поэзии и прозы на русский?**

С.Я.: Нет, конечно. Мы с друзьями это делаем время от времени — и на голом энтузиазме.

Е.А.: Да нет, оплыл и растаял еще в девяностые. Сегодня это дело одиночек. Вадима и Санджара. Здесь, в Ташкенте — Саодат Камилова. Я иногда что-то... Осмысленного заказа — со стороны государства, со стороны самой литературы — на это нет.

В.М.: Институт перевода, существовавший в советское время, по сути, утрачен. Сейчас контакты между разноязычными авторами налаживаются в основном силами самих авторов, на уровне личных связей. Есть в этом не только минусы, но и плюсы: не поставленные на поток переводы делаются штучно и заинтересованно, без шаблонов и усреднения, коими страдала советская практика перевода.

— **Актуальна ли сегодня строчка Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток»? Как переключаются восточные и западные мироощущения и системы ценностей, как это отражается в художественной литературе России и Узбекистана?**

С.Я.: Актуальна. И нынешние миграционные процессы, когда, словно бы в пику Киплингу, Восток «наползает» на Запад, — эти процессы только усиливают ее актуальность.

В.М.: Переключаются, и иногда довольно причудливо. Скажем, верлибры Ферганской школы поэзии образца 90-х как раз и отмечены сочетанием восточных реалий с западным поэтическим методом, в обход русской литературной традиции. Что касается авторов Ташкентской школы, то здесь восточный отчасти менталитет авторов накладывался как раз на традицию русского стиха. Со временем эти различия заметно стерлись, как и манифестированные когда-то очертания школ.

После распада Союза возврат к корням и поиск национальной идентичности занимает деятелей культуры как в России, так и в бывших союзных республиках намного больше, чем поиск точек соприкосновения между Востоком и Западом. Все пограничное и промежуточное часто проваливается в щель между ними. В России ситуация изменится, возможно, тогда, когда страна осознает, что она Азия ничуть не в меньшей степени, чем Европа.

Е.А.: Вопрос — на отдельную диссертацию. Ответу только по Киплингу (отражениями пусть литературоведы занимаются). «Запад есть Запад, Восток есть Восток... А мы — между ними струящийся ток».